

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Особенности и сложности формирования психоаналитического мышления у аналитика и клиента

Я. С. Малинцева

Малинцева Яна Сергеевна – психоаналитически ориентированный консультант.

Психоанализ занимает особое место среди методов и подходов психотерапевтической работы. Он исследует психику значительно глубже, чем все остальные методы терапии. Однако, предоставляя возможность изменить психическое функционирование, психоаналитический метод требует формирования и использования специфического мышления. Теория психоанализа исходит из того, что бессознательные мысли, чувства и желания влияют на функционирование психики. В этом контексте психоаналитическое мышление – это мышление, позволяющее проанализировать бессознательное и найти глубинные причины происходящего с анализантом. Но так ли просто сформировать подобное мышление и почему для того, чтобы иметь право называть себя психоаналитиком, кандидату нужно пройти долгий путь личного анализа, супервизий и клинической работы? В статье сделана попытка найти ответы на эти вопросы и сформулировать список препятствий, мешающих формированию психоаналитического мышления, а также выделить условия, которые, наоборот, способствуют этому.

Ключевые слова: психоаналитическое мышление, контрперенос, перенос, антиобъект, сопротивление, вторичная выгода, интерпретация.

«Вместо вопроса о том, как происходит излечение с помощью анализа (вопроса, который, как мне кажется, получил достаточное освещение), следует задать вопрос: каковы препятствия, стоящие на пути этого излечения...»

З. Фрейд

Начать разговор о мышлении логично с анализа того, как психоаналитики объясняют процесс формирования мышления в целом. Опираясь при этом мы будем главным образом на понимание этого феномена основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом и представителем британской школы Уилфредом Бином. Обращение к Бionу не случайно, ведь именно его имя в психоанализе традиционно связывают с темой мышления.

В психоанализе создаются условия для того, чтобы человек изучал сам себя, а это значит, что мы можем говорить о развитии психоаналитического мышления и у анализанта. Во многом это и становится целью психоаналитической работы на сеансах.

Психоаналитическое мышление позволит выполнить важную задачу аналитика – заключить союз с Эго анализанта. И тогда станет возможной работа с изнуряющим анализанта материалом, происходящим из Оно.

Также стоит уделить внимание тому, что можно считать результатом работы психоаналитического мышления, – интерпретации. Несмотря на то что интерпретации характерны для всех психотерапевтических подходов, психоаналитический подход накладывает значимые ограничения на то, когда и как даются интерпретации анализанту.

Ориентиром для исследования клинического мышления аналитика может стать его определение, предложенное Андре Грином (*Green, 1975*): важную роль в нем играют не только интерпретации, но и нозографические ориентиры, психиатрический опыт аналитика, его эмпатия, идентификация с материалом анализанта, ассоциации в контексте психоанализа и общекультурном, – и аналитик использует в своем мышлении каждый из этих регистров, для того чтобы создать условия для свободных ассоциаций анализанта и своих.

Одна из важнейших задач психоанализа – перестроить стиль взаимоотношений с объектами за счет получения нового опыта на сеансах и в результате работы переноса. Очевидно, что такая работа также потребует специфического функционирования мышления аналитика.

Наблюдение за специалистами, осваивающими психоанализ, заставляет задуматься: а есть ли люди, от природы способные к тому, чтобы работать в психоаналитическом подходе, или, наоборот, абсолютно к такому типу работы и мышления непригодные? И может ли быть такое, чтобы потенциальный аналитик оказался неспособным к развитию у себя психоаналитического мышления?

Шандор Ференци в своей работе, посвященной гибкости техники (Ференци, 2003), вдохновляет нас на изучение психоанализа и поясняет, что, следуя указаниям Фрейда, каждый сможет прояснить особенности психологической жизни другого человека. В этой же статье он показывает, как много вопросов должен ставить перед собой аналитик и отвечать

на них, используя психоаналитическое мышление. Это вопросы о том, как и в какой форме давать интерпретации, когда это уместно, а когда стоит подождать, когда молчание соответствует целям анализа, а когда превращается в ненужное мучение анализанта.

Можно предположить, что препятствия к формированию психоаналитического мышления можно разделить на те, что связаны с особенностями работы мышления аналитика и анализанта как таковыми, и те, которые появляются ввиду необходимости следовать правилам работы.

Отличительные особенности психоаналитического мышления и механизмы его формирования

Зигмунд Фрейд определил психоанализ как «теорию переноса, сопротивления, конфликта и защиты» (Фрейд, 1998). Это определение позволяет понять, какие аспекты психического функционирования представляют интерес для психоаналитика. Психоаналитическое мышление не подразумевает оценивания поведения или мыслей анализанта. Его задача – объяснить, а не одобрять или осуждать. Очевидно, что мышление в парадигме психоаналитических теорий требует их всестороннего знания и наличия у аналитика собственного анализа. В результате такая работа позволит ранее бессознательным аспектам личности пациента стать интегрированными и создаст условия для успешного функционирования.

Фрейд в работе «Анализ конечный и бесконечный» (Фрейд, 1998) отмечает, что этиология нарушений анализантов всегда носит смешанный характер. С одной стороны, на человека влияют инстинкты, с которыми не может справиться его Эго. С другой – ранний травматический опыт, который первичные объекты не смогли нейтрализовать. Причем Фрейд в этой работе предупреждает, что полностью избавиться от воздействия инстинктов невозможно. Однако создать условия для гармоничного взаимодействия инстинктов и Эго – вот к чему должен стремиться аналитик в работе.

Психоаналитическое мышление основано на анализе прежде всего свободных ассоциаций. Также необходимый материал аналитик получает из оговорок, ошибочных действий, шуток и сновидений анализанта. Комбинация этого материала дает аналитику понимание бессознательных мыслей и чувств анализанта и тенденций, которые их вызывали. Задача психоаналитического мышления – связать для анализанта элементы его прошлого опыта, которые прежде не были связаны.

Говоря о том, как же формируется такое мышление, прежде всего стоит рассмотреть взгляд Зигмунда Фрейда на мышление и его возможные патологии. В первую очередь он пытался выяснить, как бессознательные желания проявляются в возникновении и формулировании мыслей.

По мнению Фрейда, именно мышление позволяет человеку выдерживать фрустрацию, которая возникает в случае необходимости отсрочить реализацию потребности. И это похоже на то, с чем сталкивается аналитик в своей работе на сессии. Например, у аналитика готова интерпретация, но он должен ждать, чтобы представить ее анализанту. Начинающие

аналитики обычно с трудом выдерживают такую фрустрацию и торопятся делиться интерпретацией с анализантом. Но именно такое выдерживание фрустрации создает основу для формирования психоаналитического мышления.

Очевидно, что Фрейд в своей метапсихологической теории не мог не задумываться о том, как формируется мышление в целом. Он считал, что изначально мышление представлено в нарциссической форме – мыслительный процесс младенца заканчивается исполнением желания. И тогда Фрейд говорит о всемогуществе мысли и желания.

Стадия всемогущества желания отличается тем, что на этом этапе мысли окрашены инстинктивными импульсами, при этом невозможно различить реальность и нереальность. На следующей стадии мышление характеризуется символизацией и вербализацией, но все еще остается эгоцентричным.

Для того чтобы мышление начало различать объекты внешнего мира и внутреннее Я, должно пройти время. Для развития мышления нужно потерять идею о всемогуществе и открыть для себя мир объектов. Младенец должен отказаться от мысли, что он источник и причина всего. Можно провести аналогию с психоаналитическим процессом и представить, что для развития психоаналитического мышления аналитик, помимо прочего, должен отказаться от идеи, что он всецело понимает своего анализанта.

Фрейд в работе «Положение о двух принципах психической деятельности» (Фрейд, 1998) описывает сознание как «особую функцию, в задачу которой входило периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится неотвратимая внутренняя потребность». Можно предположить, что результаты такого «обследования», такой деятельности сознания, используются для мышления. Фрейд в более ранней работе «Толкование сновидений» (Фрейд, 2012) отмечает, что мышление заменяет собой галлюцинаторное желание. Принцип удовольствия в этом случае уступает место принципу реальности – психика сталкивается с фрустрацией, и появляется необходимость в другом процессе. Тождество восприятия сменяется торжеством мысли.

Идеи Фрейда можно дополнить идеями британского психоаналитика Уилфреда Биона. Вначале младенец получает свои первые эмоциональные переживания. Если есть условия для развития так называемой «альфа-функции» (Бюн, 2008), то он строит свои первые мыслеформы и понятия. Так называемые «альфа-элементы» становятся прототипами мыслей. Именно их он будет в дальнейшем использовать при контакте с внутренней и внешней реальностью.

В основе теории мышления Уилфреда Биона лежит гипотеза о том, что возникновение мышления – это следствие. А причиной являются мысли сами по себе, которым нужен аппарат для обдумывания. То есть сначала возникли мысли, а уже потом – мышление. Ребенок «получает» эти мысли от матери после того, как «отправляет» в нее непереработанные бета-элементы. И в связи с этим можно подумать о том, как формируется

психоаналитическое мышление у анализанта. Он получает от аналитика мысли иного «качества» в сравнении с его привычными. И для таких мыслей его мыслительный аппарат должен перестроиться на глубинный уровень.

Способность выносить фрустрацию приводит к формированию мышления. Однако важно, чтобы фрустрация не была чрезмерна. Непереносимая фрустрация не дает возможности ее модифицировать. И то, что должно было стать мыслью, отбрасывается. В клинической практике мы видим часто обратный процесс, когда аналитик дает преждевременную интерпретацию и у анализанта нет возможности ее осмыслить.

Бион выделяет два разных процесса мышления: продуцирование мыслей и использование гносеологически начальных мыслей. Именно для таких мыслей возникает аппарат мышления. Для того чтобы в психике младенца сформировался такой аппарат, мы должны увидеть запуск двух механизмов.

Первый механизм – динамическое отношение между материалом, который проецируется, и объектом, который принимает этот материал. Бион называл их «контейнируемое» и «контейнер» соответственно (Бион, 2008).

Второй механизм демонстрирует изменяющееся соотношение между шизоидно-параноидной и депрессивной позициями. Мелани Кляйн (2012) отмечала, что, находясь в шизоидно-параноидной позиции, ребенок чувствует тревогу. Эта тревога обусловлена инстинктом смерти и вызывает необходимость защититься от нее. Механизмами защиты в таком случае могут являться диссоциация, отрицание, ощущение всемогущества или проективная идентификация.

В депрессивной же позиции происходит интеграция диссоциации, в которой ребенок делит объект на идеализированный и наказующий.

В процессе мышления задействованы оба процесса этих позиций. Успех работы этих механизмов зависит от того, насколько мать младенца способна использовать свою альфа-функцию для переработки чувств, проецируемых ребенком. Тогда мать является контейнером, а ребенок – контейнируемым. Если на этом этапе младенец чувствует облегчение, то следствием будет интроецирование альфа-функции.

Если младенец выдерживает фрустрацию при новом столкновении с отсутствием груди, то как раз в этот момент перед ним встает задача для осмысления. То есть перед младенцем стоит выбор – избегать фрустрации или же ее трансформировать. Далее возникшие мысли могут стать материалом для следующего акта. И по такому принципу продолжит формироваться мышление. Если мать не способна переработать тревогу и возвращает ее в том же виде страха смерти, то альфа-функция не может быть развита. Другими словами, если нет альфа-элементов от матери, то нет и необходимости формировать аппарат для их обдумывания. По такой же логике и аналитик должен выдерживать любой, даже самый травматичный, материал анализанта и возвращать его в переработанном виде.

Если постараться резюмировать подход Биона, то получается, что развитие альфа-функции у субъекта снижает стремление отреагирования и увеличивает способность к символизации и абстрактному мышлению.

Если младенец не может переносить фрустрацию, то максимальное развитие получит его способность к проективной идентификации. С ее помощью он сможет избегать фрустрации. И в таком случае нельзя говорить о развитии мышления.

Препятствия, мешающие формированию и развитию психоаналитического мышления у аналитика

Психоаналитическое мышление может зародиться во взаимодействии аналитика с самим собой, с группами, с супервизором. Объектом такого мышления может быть собственная психическая реальность или реальность другого, в том числе анализанта.

И первая же проблема, с которой сталкивается аналитик, – это непознаваемость психической реальности с помощью физического восприятия. Из этого следует целый ряд препятствий, с которыми сталкивается специалист, планирующий развитие и использование психоаналитического мышления.

Я аналитика, как и Я анализанта, тяготеет к связности. А значит, он может оказаться подвержен предвзятости подтверждения, чтобы получить эту связность. Эта особенность мышления заключается в том, что аналитик обращает внимание только на тот материал анализанта, который подтверждает гипотезу аналитика. Например, он выбирает гипотезу «мертвой матери» как ключевую идею. И далее может искать подтверждения только этой гипотезы, игнорируя все остальные возможные причины патологий анализанта. А принцип экономии энергии станет благодатной почвой для такой ошибки. Если аналитик уже выдвинул для себя гипотезу и использует ее в течение, например, нескольких сеансов или недель, ему потребуется приложить усилия, чтобы отказаться от нее.

Аналитик неизбежно будет совершать ошибки. Для некоторых аналитиков признание своих ошибок может стать непосильной задачей. Ему может казаться, что тем самым он рушит свою непогрешимость, и тогда он откажется от этого нарциссического удара. И это вдвойне неправильно, ведь некоторым анализантам признание ошибки со стороны аналитика может идти на пользу.

Еще одной распространенной ошибкой аналитика является экстраполяция выводов, полученных на частных случаях (кейсах), на всю совокупность анализантов.

В книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» (Фрейд, 2000) Фрейд пишет, что даже незначительная экономия психической энергии является источником удовольствия. Учитывая, как много психических и интеллектуальных сил аналитик отдает работе, попытки аналитика сэкономить эти силы кажутся понятными.

Уилфред Бион (Бион, 2008) предупреждает аналитиков, что, работая с хрупкой человеческой психикой, стоит с осторожностью опираться на теории, независимо от степени их научности.

Когда у начинающего аналитика за плечами опыт всего из нескольких анализантов, то он может делать ошибочные выводы об эффективных действиях, ориентируясь на свои успешные клинические случаи. Но стоит учитывать, что его выборка совсем мала. А чем меньше выборка, тем выше вероятность появления экстремумов.

Описанную выше особенность мышления можно назвать эвристической доступности. Применительно к психоаналитическому мышлению ее можно определить как вероятность принять открытие, совершенное в отношении отдельного анализанта, за тенденцию для всех анализантов или их отдельных групп.

С другой стороны, как считает Морис Буве (*Bouvet*, 1958), для некоторых анализантов молчание и нейтральность аналитика могут быть восприняты как отторжение и приведут к желанию еще больше укрыться в защитном поведении. Это приводит к необходимости поиска золотой середины между скоростью интерпретаций и необходимым обдумыванием и молчанием.

В этом же контексте Бион отмечает, что в случае преждевременной попытки аналитика добраться до травмирующих воспоминаний возможно столкнуться с атакой на связи (Бион, 2008), которая происходит для того, чтобы с этими воспоминаниями не столкнуться. По его мнению, которое является довольно распространенным среди аналитиков, невозможно найти установку, которая бы подошла каждому анализанту. Это ставит перед аналитиком сложную задачу – каждый раз заново выстраивать линию работы и не пытаться экстраполировать успешный случай на всех анализантов.

Отдельно стоит рассмотреть особенность работы мышления, которую можно назвать эффектом ложного консенсуса аналитика. Она в некотором смысле дополняет предвзятость подтверждения.

В процессе работы аналитик формулирует гипотезы относительно анализанта, его прошлого, объектных отношений, привычных защит и так далее. Он что-то понимает про анализанта, и если, по мнению Фрейда, он приходит к новой для мышления области, то это и будет гипотезой. Однако опасность заключается в том, что аналитик может начать воспринимать собственную гипотезу как единственно верную и разделяемую анализантом.

Фрейд обращал внимание на то, что при сравнении душевного процесса другого человека со своим собственным может возникнуть ощущение психологического контраста. Аналитик не должен быть подвержен эффекту ложного консенсуса и понимать, что то, что привычно, понятно и, например, приятно ему, может не быть таковым для анализанта. Аналитик должен уметь представлять себе опыт своего анализанта.

В работе 1905 года Фрейд пишет (Фрейд, 1998), что существуют следы воспоминаний о затратах, произведенных при движениях. Можно предположить, что именно такие следы и помогают аналитику сопоставлять

его опыт и опыт анализантов. Фрейд обращает внимание на то, что если мышечная деятельность снижается и не может быть проявлена, а мыслительная становится более значительной, то это становится условием для личного развития и продвижения к «высшей культурной ступени». И тогда становится понятным введение ограничений на физические действия на сеансах у некоторых аналитиков, например запрет на употребление воды. Он продолжает свои размышления выводом о том, что активность, созданная с использованием предсознательного, потребует затратить больше психической энергии, чем применение бессознательной.

Гордыня как сдерживающий фактор психоаналитического мышления

Разговор о гордыне уместно начать с того факта, что даже важнейший принцип психоанализа – говорить как можно меньше – нарушается из-за желания удовлетворить гордыню и высказать свои догадки. Аналитику может казаться, что он все понял про анализанта. Даже Фрейду пришлось пройти этот путь – путь отказа от чрезмерного вмешательства, начиная со случая Доры (Фрейд, 1998). Аналитик должен находить баланс между молчанием, необходимым для обдумывания, и хорошо продуманными интерпретациями, необходимыми для прогресса анализа.

В процессе анализа анализанты часто приносят материал об успехах, которых они достигли благодаря, например, тренингам, которые они прошли, или книгам, которые прочитали. Аналитику может быть очевидно, что прогресс связан как раз с анализом. В таком случае у него может возникнуть желание спорить с анализантом, чтобы приписать себе эту заслугу.

Кроме того, гордыня может проявиться в том случае, если аналитик почувствует свою власть над клиентом. И тогда его работа будет состоять только из тех интервенций, которые будут поддерживать его образ «гениального» аналитика. В таком случае мы не можем говорить о психоаналитическом мышлении аналитика, так как увлеченность аналитика своей исключительной способностью к пониманию будет препятствовать свободным ассоциациям клиента. Можно предположить, что анализант в этом случае будет продуцировать только тот материал, который, как ему кажется, удовлетворит аналитика и будет достоин одобрения.

Анализант может стать зависимым от одобрения аналитика, что, очевидно, сделает невозможной аналитическую работу. А соблазн аналитика чувствовать себя всезнающим станет еще более непреодолимым. Кроме того, любому человеку присуще желание нравиться и вызывать положительные эмоции у окружающих. Это может помешать аналитику давать конфронтующие интерпретации из-за опасения вызвать враждебность у анализанта или разрушить его положительный перенос.

При этом если аналитик недостаточно инвестирует психическое анализанта, то анализ нельзя считать полноценным, и анализант попытается «добрать» это инвестирование. В таком случае анализанты могут

попытаться пойти к еще одному специалисту, на тренинги или же в группы поддержки.

Кроме того, если клиент почувствует, что аналитик высокомерен, всемогущ и знает все, то это помешает ему свободно ассоциировать и не следить за ценностью и «правильностью» мыслей. Но и чрезмерная уверенность в себе самого клиента может помешать услышать связи в предоставленном материале. Уилфред Бион в статье «О высокомерии» (Бион, 2008) выделяет целую триаду, препятствующую установлению рабочего альянса и процессу терапии в целом, – высокомерие, глупость и любопытство.

Нарушить процесс мышления аналитика могут также нападки и агрессия со стороны анализанта, которые являются неотъемлемой частью процесса. Во многом причиной такой агрессии как раз может стать то, что аналитик представляется анализанту как непроницаемый, недоступный, высокомерный объект. Если анализант почувствует, что не может «пробиться» к аналитику, он попробует спровоцировать аналитика на любые чувства. И именно тогда, когда аналитик выдержит эти нападения, он сможет получить доступ к ранее скрытому материалу. Выдержав подобные атаки, аналитик станет обладать особенно ценным материалом – информацией об инфантильных ситуациях, в которых зачастую и зарождаются будущие конфликты.

В контексте гордыни аналитика уместно также будет рассмотреть потребность аналитика удерживать анализанта в анализе. И тогда еще одним существенным фактором, осложняющим развитие психоаналитического мышления, становится небольшое количество анализантов.

Чем меньше анализантов, тем выше соблазн идти на уступки, чтобы анализант оставался в анализе. Отсюда могут вытекать и чрезмерная активность аналитика, и нарушение кадра. Наличие же достаточного количества анализантов позволяет на контрасте, из-за их несходства друг с другом, лучше отслеживать, например, чувства в контрпереносе. Поль Дени (Дени, 2020) приводит довольно внушительный список того, что влияет на аналитика и его мышление в процессе работы. Среди таких факторов можно выделить очевидную финансовую необходимость аналитика иметь анализантов, желание получить признание коллег и профессионального сообщества, мысли о времени, потраченном на анализанта, и так далее. Он видит противоречие между желанием аналитика помочь анализанту, в том числе с помощью развития у него способности к самоанализу, и желанием «привязать его к себе» (Дени, 2020, с. 33). Если это ему удастся, то мы можем ожидать бесконечного анализа.

Препятствия, мешающие формированию и развитию психоаналитического мышления у анализанта

В процессе психоаналитических сеансов анализант получает новый опыт, способствующий формированию у него психоаналитического мышления. Однако этот процесс сопровождается появлением препятствий,

обусловленных работой психики. Защитные механизмы людей эгосинтонны и особенно активно проявляются во время аналитической работы.

Психика работает по принципу удовольствия. Исходя из этого становится понятно, почему от сложных тем анализант может ускользать. Он может делать это с помощью отреагирования или любого другого сопротивления, являющегося проявлением защит. Отреагирования останавливают ассоциативный поток, вместо того чтобы заменять деструктивное представление конструктивным.

Право говорить все, что приходит анализанту в голову, не равняется его способности сделать это. Фрейд в работе «Психопатология обыденной жизни» (Фрейд, 2021) отмечает, что в большинстве своем люди не стремятся к свободе, так как свобода налагает ответственность, которая вызывает страх.

При этом есть разница между свободным ассоциированием и примитивной эвакуацией материала и аффекта. Эвакуация материала не дает анализанту возможности обратиться к своему психическому функционированию.

Бион в своей статье «Катастрофическое изменение» очень точно описывает, как может разрушаться постоянная идентичность из-за появления открытий, новых для Я. Как следствие, может возникать сопротивление любым изменениям, в том числе появлению нового опыта. Рональд Бриттон назвал такой процесс примитивной эвакуации материала и аффекта, поддерживаемый аналитиком, «злокачественным контейнированием» (Britton, 2014).

Можно посмотреть на примитивную эвакуацию и с другой стороны. Фрейд отмечает, что иногда стремление к экономии может выражаться в необычной форме. Например, согласно его идеям (1998), шутка или острота дарит нам такое удовольствие потому, что позволяет не расходовать энергию на задержку или подавление. То есть получается своего рода облегчение – отпадает необходимость контролировать себя. Так и анализант может почувствовать сильное облегчение, когда поймет, что аналитик его не осуждает и можно говорить все, что приходит ему в голову.

Продолжая тему препятствий развития психоаналитического мышления анализанта, можно привести его идею о том, что принятию бессознательного скорее всего будет мешать аффективное сопротивление. В этой же работе 1905 года он обращает наше внимание на то, что сопротивление изучению своего бессознательного обусловлено тем, что гораздо проще отрицать саму вероятность того, что оно существует.

У анализанта может возникнуть соблазн постоянно подчиняться принципу психической экономии и злоупотреблять аналитиком как контейнером для тревожных мыслей. Это, в свою очередь, будет тормозить развитие психоаналитического мышления.

Еще Фрейд (Фрейд, 1998) отмечал, что переживания, которые могут вызвать неприятные чувства, психика склонна вытеснять. Сам процесс анализа часто может противоречить принципу психики, который Фрейд назвал принципом удовольствия. И тогда становится понятно, почему,

например, на сеансах может происходить так называемый «сговор» между аналитиком и анализантом. Время идет, анализант что-то рассказывает, но изменений нет. Такую ситуацию подкрепляет еще и экономический принцип, описанный Фрейдом. Психика с большим трудом меняется, если нужно приложить усилия для отказа от действий, приносящих удовольствие. Очевидно, что такая деятельность требует от анализанта труда. Более того, даже появившиеся рациональные мыслительные процессы под влиянием принципа удовольствия вновь могут потерять свою силу. Примером такого процесса может быть ситуация, когда анализант не помнит инсайтов, появившихся у него на предыдущей сессии. Фрейд упоминает этот процесс, делая отсылку к аутоэротизму, в котором крайне легко достигаемое фантазийное удовлетворение с трудом уступает место реальному, ради которого стоит потрудиться и подождать. Оптимистичной в его размышлениях звучит идея, что анализанту нет необходимости полностью отказываться от принципа удовольствия, заменяя его принципом реальности. Стоит лишь развить принцип реальности до более стабильного уровня.

Однако метод свободных ассоциаций также осложняется цензурой – сознательной и бессознательной. Сознательная цензура проявляется в том, что анализант считает некоторые свои мысли неуместными, постыдными или странными.

В соответствии с идеями Фрейда, цензура – это особая инстанция, которая пропускает доступ в сознательное только тех элементов, которые она, цензура, отмечает как приятные. Остальное же будет представлять из себя вытесненное.

Рассуждения о цензуре уместно дополнить упоминанием страхов анализантов. Эвелин Кестемберг (*Kestemberg, 2001*) отмечает феномен, названный ей как «фобия психического функционирования». Этим термином она обозначает тревогу, которую чувствует анализант, наблюдая проявления своего психического функционирования. Следствием такой тревоги может быть отказ от продуцирования идей и аффектов, что фактически можно рассматривать как отказ от мышления. Еще один способ справиться с тревогой – это попытки анализанта приписать свою психическую продукцию другому.

Попытки анализанта ничего не чувствовать и ни о чем не думать приводят в таком случае к ощущению собственной неважности или ничтожности. Продолжением этого процесса может служить уверенность анализанта в том, что образы и мысли, которые у него появляются, являются привнесенными извне. Под воздействием этой тревоги анализант перестает опираться на собственное мышление и может выбрать молчание как способ справиться с ней, ориентируясь на молчание аналитика.

Поль Дени (Дени, 2020) приводит пример своей анализантки, которая повредила себе орган, критически необходимый для сеанса, барабанную перепонку – настолько сильным был ее страх перед сеансом на кушетке. Аналитик должен быть внимателен к менее явным сопротивлениям

анализантов: опоздания, болезни, пропуски или любые другие события, мешающие прийти на сеанс и, вероятно, смоделированные анализантом бессознательно.

Интерпретация как результат психоаналитического мышления

Интерпретация – это интеллектуальная работа, требующая определенного функционирования мышления. И обращается она также к мышлению анализанта. В опыте каждого аналитика были случаи, когда глубокая и основанная на материале анализанта интерпретация остается незамеченной. Более того, неуместная интерпретация может прервать его ассоциативный поток, то есть свести на нет все предыдущие усилия аналитика и анализанта.

Все было бы очень просто, если бы после точной интерпретации аналитика анализант мог бы понять, что с ним происходит. Но в клинической практике аналитики сталкиваются с тем, что даже самая удачная интерпретация может быть проигнорирована анализантом. Более того, часто можно встретить идею (например, Бион, 2008), что успеху анализа могут способствовать не интерпретации сами по себе, а параллельные им процессы обдумывания аналитиком материала. Даже простое присутствие аналитика создает условия для развития психоаналитического мышления. В присутствии аналитика анализант может решиться на то, что без него было невыносимым или невозможным. Например, на дискриминацию чрезмерно жесткого Супер-Эго. Однако Бион отмечает, что часто анализант больше настроен на то, чтобы сознательно или бессознательно препятствовать появлению информации на сессии, чем создавать условия для ее обнаружения им самим или аналитиком.

Бион отмечает также и другой фактор, усложняющий действие интерпретации. Анализант может не понять продемонстрированные аналитиком особенности его психического функционирования из-за разницы в восприятии цели анализа. Например, у аналитика родилась интерпретация, и он озвучивает ее анализанту. А анализант все это время лишь «эвакуировал» из себя слова и оказался не готов к мыслительной обработке интерпретации. То есть он находится на пути поведенческом, а аналитик предлагает ему путь психический. И тогда можно обратиться к тому, как идеи о мышлении формулирует Фрейд (Фрейд, 1998) в статье «Положения о двух принципах функционирования психики». Он отмечает, что задержка поведенческого пути отреагирования происходит именно за счет работы мышления. И тогда, возвращаясь к идее развития психоаналитического мышления у анализанта, можно предположить, что оно развивается тогда, как аналитик не оставляет для анализанта возможности действовать, вместо того чтобы думать.

Аналитик в процессе работы получает эмоциональный опыт с данным конкретным анализантом, а далее у него возникают мысли, которые он переводит в слова. И конечным продуктом аналитика станет интерпретация, которую он делает на основе психоаналитических теорий.

Слушая клиента, аналитик может заметить так называемые «инварианты» – действия или мысли, которые остаются неизменными от случая к случаю у анализанта.

Сам анализант может не видеть этих инвариантов. Еще Фрейд (Фрейд, 1998) обратил внимание на то, что субъект может повторять вытесненное событие в действии, не помня его как часть своего прошлого. Аналитик в своей работе должен видеть, когда на сеансе воспроизводятся идеи или чувства из, например, инфантильной сексуальности.

Бион (Бион, 2010) предложил пользоваться термином «интуиция» для описания процесса наблюдения за психической реальностью. Аналитик слушает и собирает большой объем разрозненных данных, чтобы впоследствии попытаться соединить их и найти смысл, который он отразит в интерпретации. В такой работе очень важно свободно парящее внимание и сопротивление соблазну применить теории, которые первыми приходят на ум. Например, теорию, которую аналитик «освежил» для себя, читая книгу перед сном.

Бион очень категоричен и предлагает на каждой сессии (Бион, 2008) слушать клиента как с чистого листа, ожидая увидеть то, что ускользало раньше. Однако он парадоксально отмечает, что способность именно так слушать анализанта должна сочетаться со способностью аналитика помнить то, что говорил анализант. Для меня это прежде всего означает, что аналитик не должен находиться в тотальной власти теорий, которые он уже выдвинул по итогам предыдущих сессий, и при необходимости он должен быть готов отказаться от них.

Он отмечает также, что для аналитика критически важно уметь терпеть фрустрацию от «непонимания». Бион обращает внимание, что если аналитик захочет уменьшить эту фрустрацию, то его интервенции и интерпретации будут преждевременными. Даже если они позволяют получить материал, они могут помешать инсайтам анализанта.

Аналитику следует учитывать, что, по мнению Бiona, сформулированная мысль сильно отличается от «истинного» факта, который лежит в основе мысли. Аналитик сталкивается не только с тем, что анализант обманывает его, аналитика, но и зачастую самого себя. Но именно правда нужна для ускорения развития психического аппарата и мышления. Открытию правды служат психоаналитические интерпретации.

Стоит обратить внимание и на другой «градус» интервенций. Поддержка, одобрение, убеждение вместо аналитической работы – антианалитическая ситуация. Поддержка может только закреплять деструктивные установки анализанта. Это может происходить из-за незнания аналитика, что делать, или желания быть «хорошим» аналитиком. Вопрос также может нарушить свободные ассоциации. Неуместные вопросы могут быть следствием тревоги аналитика. В анализе создается переходное пространство аналитика и анализанта, оно принадлежит и тому, и другому. То же самое касается и интерпретации – она рождается в пространстве конкретных двух людей. Анализант должен чувствовать, что интерпретация – это в том числе его открытие. И аналитик должен быть готов отдать ему авторство.

Условия, необходимые для формирования и использования психоаналитического мышления

Поль Дени (2020) обращает внимание, что Я аналитика можно представить разделенным на две части: одна часть наблюдает за процессом, в то время как другая испытывает на себе воздействие эмоций. Какие же нужны условия, чтобы мысли, знания и усвоенные концепции превратились именно в психоаналитическое мышление?

Для формирования психоаналитического мышления аналитик должен усвоить пассивацию как неотъемлемую часть аналитического сеанса. Пассивация аналитика – способность принимать материал анализанта. Для аналитика важна способность видеть разницу между пассивностью и пассивацией, которая заключается в том, чтобы не вторгаться активно в психическую работу анализанта, но при этом проводить активную внутреннюю работу. Интерпретация не ради интерпретации, а ради прогресса. Аналитик не должен стремиться понимать анализанта с полуслова, но помнить, что между ним и анализантом может возникнуть, например, семантический барьер. Одно и то же слово они могут понимать по-разному.

Для того чтобы психоаналитическое мышление обоих участников анализа запустилось и работало, нужны абстиненция аналитика, фрустрация анализанта, работа в аналитическом кадре, переходное пространство.

Если аналитик не может выдерживать паузы, то он не дает места для того, чтобы психическое функционирование анализанта раскрылось, развернулось. Он лишает его места для свободных ассоциаций. Сначала анализанту сложно придерживаться метода свободных ассоциаций, но с течением времени это будет получаться все лучше. Паузы – неотъемлемая часть сеанса, в которой и рождается в том числе психоаналитическое мышление.

Также стоит поразмышлять о месте самораскрытия аналитика в психоаналитической методологии. Чрезмерное раскрытие мыслей аналитика создаст непродуктивную и даже небезопасную ситуацию в анализе, усилив эмоциональную привязанность анализанта, оставив бессознательные процессы вне зоны досягаемости.

Во время сеансов возможны нападки анализанта на аналитика: для некоторых анализантов агрессивные нападки на аналитика необходимы, чтобы убедиться, что объект сможет их выдержать, а значит, и выдержать самого анализанта. Это позволяет им получить новый опыт обращения со своей агрессией. Но оставаться спокойным в условиях нападков – очень сложная задача.

Эвелин Кестемберг в своих лекциях обращает внимание на то, что в таких ситуациях возможна негативная контрреакция вместо контрпереноса. У аналитика может появиться желание избавиться от анализанта. Базовый негативный трансфер может привести к тому, что аналитик не справится с работой. Даже если он владеет теорией и понимает, что этот негатив направлен не на него, а на внутренние объекты анализанта.

Молчание аналитика является характерной чертой психоанализа, отличающей его от всех остальных направлений психотерапии. Но даже

внутри школ психоанализа отношение к степени этого молчания разное. Самое яркое противостояние можно увидеть между представителями Британского и Парижского психоаналитических обществ. Французские аналитики отмечают чрезмерную говорливость британских аналитиков, особенно у последователей идей Мелани Кляйн. В свою очередь, британские аналитики считают избыточным молчание французских коллег. Степень вмешательства аналитика в речь анализанта и количество интерпретаций отражают стиль работы аналитика. Если вспомнить трансформацию техники Фрейда, то от анализа Доры и до случая Человека-крысы количество его вмешательств значительно сократилось.

Можно предположить, что степень вмешательства аналитика будет коррелировать с тем, насколько много интервенций делал его собственный аналитик. Причем реакция может быть как прямой, так и обратной. Поль Дени описывает (Дени, 2020) технику Сержа Видермана, которая отличалась особой молчаливостью. Во многом такой подход был обусловлен как раз чрезмерным вербальным вмешательством его аналитика Саши Нашта.

Работа аналитика – это деконденсация. Анализант говорит не только через слова, но и через компульсивное повторение. Аналитик должен владеть довербальным языком: следить за аффектами и имплицитной памятью анализанта, при этом не давить на него и не форсировать процесс поиска мнестических следов.

Развитие наблюдающего, рефлексивного Я – задача психоаналитической работы. Постепенно анализант должен интериоризировать способность к самоанализу. И далее, в результате работы, у анализанта произойдет высвобождение либидо, так как отпадет необходимость тратить его на защиты.

Но, поскольку этот процесс занимает довольно большой промежуток времени, в аналитической паре должна быть терпимость к сомнению и «незнанию». И тогда может родиться понимание анализантом своего эмоционального переживания и способности его представить в абстрактной формулировке. Это, в свою очередь, необходимо для дальнейшего развития понимания психического функционирования. При этом важно видеть отличие между знанием как части психологической защиты в случае рационализации и знанием, полученным в результате переработки. Только второй вид знаний будет служить основой для дальнейших открытий.

Психоанализ – это особый опыт интеллектуального и эмоционального взаимодействия аналитика и анализанта, который вряд ли доступен им где-то вне аналитической сессии.

На что же опираться аналитику, когда он встречает что-то новое для себя на сессии? Блон отмечает, что в таком случае аналитик будет опираться на свои стереотипы, в том числе о всемогуществе, и на изученные теоретические концепции. Важный инструмент аналитика – это наблюдение. Но бывают ситуации, когда наблюдение затруднено. Для создания необходимых условий развития психоаналитической работы Блон выделяет такие эмоциональные свойства атмосферы сессии, как лишение и изолированность.

Лишение, по мнению Биона, заключается в том, что аналитик должен противостоять разнообразным импульсам, целью которых является удовлетворение желаний анализанта. Сюда же Блон относит необходимое сопротивление анализанта стремлению мгновенно действовать.

Блон говорит об изолированности в контексте того, что ни аналитик, ни анализант не могут переложить ответственность за действия, результаты или интерпретации на кого-то другого.

По его мнению, аналитик должен предсказать появление эмоции, которая станет болезненной для анализанта. При этом он разделяет необязательную боль и ту, что должна возникать в любом анализе в процессе появления у анализанта знаний о самом себе. Очевидно, что прогресс в анализе очень часто может сопровождаться болью, которой анализант будет стараться избегать. Если в аналитической паре лишь аналитик видит проблему, то такой анализ не принесет пользы. При этом страх встретиться со сложным материалом может распространиться и на аналитика. В таком случае можно говорить о «сговоре» – когда разговор ведется лишь на те темы, которые не вызывают дискомфорта. Аналитик может опасаться негативного переноса, проективной идентификации или регресса и отказываться от прояснения материала.

В психоаналитическом сообществе до сих пор не утихают споры относительно позиции аналитика – он должен быть как зеркало или же проявлять эмпатию? Нейтральность аналитика, безусловно, дает возможность сформироваться переносу. Перенос, согласно Отто Фенихелю (2013), проявляется в том, что анализант трансформирует настоящее согласно тому, что происходило в прошлом. Аналитик на сессии создает условия, в которых анализант, скорее всего, никогда не был ранее.

Один из важных критериев, на который ориентируется аналитик, – появление у анализанта способности свободно ассоциировать. Это для аналитика должно стать сигналом, что запустилось аналитическое функционирование.

Аналитическое мышление анализанта развивается тогда, когда он вместе с аналитиком открывает для себя процессы, которые происходят в его бессознательном. В это же время у анализанта начинает формироваться интерес к себе и своему психическому функционированию. Аналитик, как мать, которая соблазняет ребенка к жизни, соблазняет анализанта к получению удовольствия от открытия своего психического.

Одной из проблемных частей анализа может стать ложное понимание нейтральности аналитика. Нейтральность не должна равняться равнодушию или холодности. Нейтральность аналитика – отсутствие выражаемых аффектов.

Аналитик должен быть способен принять весь сложный материал, который приносит анализант, и при этом не разрушиться. И здесь, опять же, предотвращать такое разрушение будет собственный анализ.

Собственный анализ занимает особое место в развитии психоаналитического мышления. Поль Дени (2020) отмечает, что не переработанная со своим аналитиком репарация приведет к нарциссической ране. А она, в свою очередь, будет подталкивать аналитика к фантазии об

идеальной аналитической ситуации, которая якобы должна быть достигнута с анализантами. И тогда аналитик будет инвестировать не психическое функционирование анализанта, а процесс анализа. Жанин Шассге-Смиржель называет такое состояние аналитика «болезнью идеальности» (*Chasseguet-Smirgel, 1973, p. 737*). Дени продолжает свои рассуждения мыслью о том, что у аналитика может быть фантазм о том, как по завершении работы он превратит анализанта в аналитика или же еще в процессе анализа сотворит своего аналитического двойника.

Аналитик как антиобъект, способствующий формированию мышления

Анализант в анализе столкнется с необходимостью увидеть, как его внутриспсихическая реальность влияет на отношения с реальными объектами и аналитиком. Аналитик поможет увидеть это через интерпретацию переноса. Анализант будет стремиться создать привычные для себя условия и формы взаимодействия с аналитиком, как с очередным объектом своей реальности. И его психоаналитическое мышление будет развиваться тогда, как аналитический процесс не позволит ему так воспринимать аналитика. На страже изменений будут стоять аналитик и его правильная работа с переносом. Анализант вне анализа находится в почти не меняющихся отношениях с объектами. Нейтральность аналитика и его интерпретация переноса создадут условия для изменений. Аналитик будет выступать как антиобъект. И тогда, согласно идеям Поля Дени (Дени, 2020), в аналитическом пространстве появится «третий» – функция аналитика как антиобъекта, интернализируемая анализантом в виде внутреннего регулирующего голоса.

Именно благодаря работе антиобъекта аналитик формулирует интерпретации. И тогда можно надеяться на то, что анализант откажется от привычного повторения деструктивных действий, мыслей и поведения с объектами.

Анализанты всегда будут провоцировать аналитика, но он должен поддерживать свою психоаналитическую функцию и не вести себя так же, как первичные объекты анализанта.

Аналитик, благодаря своей роли антиобъекта, может усиливать нарциссизм анализанта в процессе анализа за счет того, что анализант начинает инвестировать свое психическое функционирование. Для этого анализанту нужно переместить значительную часть инвестиций от аналитика к своим внутренним объектам из прошлого. А аналитик будет поддерживать этот процесс с помощью интерпретации переноса, соблюдения кадра и инвестировании Я в психическое функционирование анализанта.

Согласно идее Мориса Буве (*Bouvet, 1958*), наблюдающая часть Я анализанта может идентифицироваться с терапевтом или инкорпорировать его, что является очевидно более регрессивным. В случае же успешного анализа необходимость такой инкорпорации со временем исчезнет, и анализант обретет самостоятельную психоаналитическую функцию. Можно продолжить эту идею и предположить, что анализант должен

идентифицироваться с образом мышления. Но не с образом мышления конкретного аналитика, а с психоаналитическим типом мышления.

Идентификация с самим аналитиком появляется еще в процессе анализа. Но это не равно развитию психоаналитического мышления. Такая идентификация помогает анализанту выдерживать абстинентность аналитика (Green, 1975). А после завершения анализа, и даже во время, может выглядеть как попытка копирования стиля жизни и поведенческих паттернов аналитика вплоть до внешнего вида. В анализе такая идентификация может проявиться в формировании аналитического Сверх-Я, но целью анализа является интроекция функции, а не личности. Именно этой цели аналитик должен придерживаться.

Поль Дени (2020) напоминает нам о том, что в процессе анализа может возникать привязанность или зависимость анализанта от аналитика. Это предоставляет анализанту возможность психической экономии и тем самым упрощает процесс развития аналитического мышления. Но эта ситуация должна быть временной. Поль Дени делает отсылку к термину Дональда Винникотта «переходный объект» и называет ситуацию привязанности переходной. Этим он обозначает, что привязанность к аналитику позволит связать внешний мир и психическую реальность анализанта. Однако для развития аналитического мышления анализанта важно, чтобы эта привязанность была проанализирована в подходящий момент времени и трансформировалась в простую симпатию или же, наоборот, неприязненное отношение анализанта к аналитику. Задача аналитика – не собирать инвестиции анализанта на себе, а вызвать у него внимание и интерес к персональному психическому функционированию. Иначе, как уже упоминалось, может возникнуть риск «бесконечного» анализа.

Именно интерес должен замотивировать анализанта на работу в анализе, и он же создает условия для возникновения свободных ассоциаций и способности к самоанализу. Но это совсем не значит, что дальше развитие психоаналитического мышления у анализанта пойдет легко и быстро. Следствием попытки сохранить защиты может стать негативная терапевтическая реакция.

Последствия переноса и контрпереноса для развития и работы психоаналитического мышления у аналитика и анализанта

В 1947 году Дональд Винникотт представил доклад, полностью посвященный теме ненависти аналитика к своему анализанту. Соответствующая статья была опубликована в 1949 году. И хотя статья посвящена именно чувству ненависти, которое аналитик должен признавать и осознавать, допустимо думать в таком же ключе и о других чувствах, некоторые из которых могут мешать обдумыванию материала. Причем аналитик должен отличать чувства, вызванные его собственной проекцией, от тех, которые вызваны состоянием или действиями анализанта.

Сложность этой деятельности заключается в том, что зачастую для глубинного понимания своих чувств аналитику нужно больше времени, чем

длится сессия. Или же он может быть вообще не в состоянии сделать это без супервизора, так как часть процессов протекает бессознательно. И тогда сложность психоаналитической работы для аналитика заключается в том, что он не только интерпретирует бессознательные процессы анализанта, но и сам находится во власти действия таких процессов. Поль Дени (Дени, 2020, с. 22) называет аналитика «переводчиком происходящего», который одновременно является активным действующим лицом.

Для того чтобы аналитик мог убедиться, что он понимает чувства клиента, ему стоит наблюдать за тем, соответствуют ли контрпереносные чувства ассоциациям и действиям анализанта. Иначе аналитик может не разобраться и приписать клиенту то, что на самом деле принадлежит аналитику, но не было проработано им в личном анализе.

Генрих Ракер (*Racker*, 1953) разделяет прямой и непрямой контрперенос. В первом случае анализанты предстают как значимые объекты из бессознательной части самого аналитика. И тогда могут проявиться конфликты, соответствующие этим фигурам.

В случае непрямого контрпереноса аналитик может сместить внутренние объекты через анализанта на конкретную социальную группу. И тогда непрямой контрперенос может сильнее всего проявляться в процессе супервизии, где коллеги выступают социальной группой, от которой аналитик хочет получить признание. Аналитику стоит следить за тем, чтобы его интерес не строился исключительно на нарциссической выгоде от работы с таким анализантом и представления его случая перед коллегами.

Кроме того, супервизия нужна для разотождествления с анализантом.

Ракер также обращает внимание на то, что аналитик может попасть в ситуацию привязанности к анализанту, больше похожую на родительскую, чем терапевтическую. И для анализанта это станет препятствием к развитию его психоаналитического мышления.

Можно представить и такую ситуацию анализа, в котором аналитик не хочет развития анализанта. Ведь тогда нужно будет признать необходимость завершения анализа. Но некоторые анализанты и сами с удовольствием воспользуются таким нежеланием аналитика завершать анализ. Ведь бесконечный анализ позволит анализанту «пользоваться» мышлением аналитика, не развивая собственное.

Паула Хайманн (Хайманн, 2021) описывает эмоциональный ответ аналитика на сессии как один из ключевых инструментов его работы. С помощью контрпереноса аналитик сможет исследовать бессознательное своего анализанта. Она обращает наше внимание на то, что анализ – это прежде всего отношения двух личностей. Сложно представить себе ситуацию отношений, в которых один участник переполнен чувствами, а второй – полностью отрешен. И здесь мы возвращаемся к дебатам аналитиков относительно нейтральности аналитика. Поль Дени (2020) настаивает, что чрезмерная открытость аналитика может стать непосильной ношей для аналитика. Я бы продолжила и говорила бы не только об открытости, но и о чрезмерной эмпатии.

С другой стороны, по мнению Хайманн, некоторые аналитики слишком буквально восприняли рекомендации Фрейда об аналитике как зеркале.

Аналитику, который осваивает психоанализ, важно найти золотую середину между двумя крайностями. Одна крайность – исключительно рациональная интеллектуальная проработка материала. Вторая – полное погружение в контрперенос. Аналитик должен научиться справляться со своими чувствами и использовать их для понимания анализанта и, как следствие, для формулирования правильных суждений и интервенций. Если аналитик будет избегать своих чувств, то его интерпретации будут односторонними, усеченными.

Еще одной особенностью работы психоаналитического мышления является то, что временами бессознательное восприятие аналитика основывается на бессознательном анализанта. И тогда происходит временной разрыв между бессознательным обменом и осознанием со стороны мышления. Кроме того, как отмечала Маргарет Литтл (*Little, 1951*), контрперенос подвержен изменениям в соответствии с тем, какие изменения происходят и у анализанта, и у аналитика в реальности. Продолжая развивать эту идею о контрпереносе, она предостерегает аналитика от того, чтобы он отрицал свои чувства. Анализант с большой долей вероятности это почувствует и, находясь в процессе идентификации с аналитиком, может последовать его примеру. Очевидно, что это навредит как анализу, так и развитию психоаналитического мышления у анализанта.

Кроме того, в процессе анализа аналитик должен тщательно дифференцировать инвестирование со стороны анализанта – отделять, когда эти инвестиции направлены на него как на аналитика, а когда – как на фигуру в переносе. Это самый сложный интеллектуальный труд, который дополняется контролем собственного инвестирования – направлено ли оно на фигуру анализанта или его психическое функционирование.

Эммануэль Шерве (*Chervet, 2009*) написала статью, посвященную торможению мыслей аналитика и его возможным причинам. Уже в названии статьи – «Торможение мыслей аналитика: сопротивление?» – она указывает на одну из вероятных причин: «торможение» аналитика может быть связано с потребностью анализанта в контроле или с дефектами в ассоциативном функционировании анализанта. И тогда сопротивление анализанта становится сопротивлением аналитика – можно говорить об идентичности восприятия.

В 2017 году на 77-м конгрессе франкоязычных аналитиков Эммануэль Шерве представила доклад (*Chervet, 2017*), который можно перевести как «Анализант и интерпретатор. Промежуточное пространство». В нем она показывает на клинических примерах, как действует психоаналитическое интерпретативное мышление, в частности отмечая, что эта работа мышления до сих пор вызывает бурные обсуждения во Франции.

Таким образом, для понимания того, что может мешать или, наоборот, способствовать развитию психоаналитического мышления, стоит учитывать общий принцип формирования мышления в психоаналитической теории. Последствия недостаточности этих условий проявятся в неспособности сформировать аппарат мышления.

Очевидно, что развитие психоаналитического мышления анализанта возможно только в том случае, если аналитик учитывает то, что препятствует этому, и умеет с этим работать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У. Р.* Внимание и интерпретация. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010.
2. *Бион У.* Нападения на связь // Идеи Биона в современной психоаналитической практике: сб. науч. тр. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008. С. 162–163.
3. *Бион У. Р.* О высокомерии // Идеи Биона в современной психоаналитической практике: сб. науч. тр. М.: Русское психоаналитическое общество, 2008.
4. *Бион У.* Теория мышления // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 1. С. 32–38.
5. *Дени П.* Контрперенос в кадре и отклонениях / Пер. с фр. И. Маракановой. М.: ИОИ, 2020.
6. *Кляйн М.* Зависть и благодарность и другие работы. Т. 6 // М. Кляйн. Психоаналитические труды: в 6 т. Ижевск: ERGO, 2012.
7. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М.: Трикста, 2013.
8. *Ференци Ш.* Тело и подсознание. Снятие запретов с сексуальности. Эластичность техники психоанализа: сб. статей. М.: Nota Bene, 2003.
9. *Фрейд З.* Положение о двух принципах психической деятельности // З. Фрейд. Очерк истории психоанализа: сб. СПб.: Алетейя, 1998. С. 98–107.
10. *Фрейд З.* О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998.
11. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 2000.
12. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М.: Litres, 2021.
13. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Олма Медиа Групп, 2012.
14. *Фрейд З.* Фрагмент анализа истерии // З. Фрейд, Й. Брейер, Э. Кречмер. Истерия: история женского безумия. М.: Алгоритм, 2021.
15. *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный // З. Фрейд. Собр. соч.: в 26 т. Т. 23. М.: МГ Менеджмент, 1998.
16. *Хайманн П.* О контрпереносе // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999) / Сост. И. Ю. Романова. М.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021. С. 199–206.
17. *Bouvet M.* (1958). Technical variation and the concept of distance. The international journal of psychoanalysis. Vol. 39. P. 211–221.
18. *Britton R.* (2014) Keeping things in mind. Clinical Lectures on Klein and Bion. London: Routledge. P. 102–113.
19. *Chasseguet-Smirgel J.* (1973) Essai sur l'ideal du moi: contribution à l'étude de «la maladie d'idéalité». Revue française de psychanalyse. Vol. 37. No 5–6. P. 735–929.
20. *Chervet E.* (2009) L'inhibition de pensée chez l'analyste: unerésistance? Revue française de psychanalyse. Vol. 73. No 2. P. 403–413.

21. *Chervet E.* (2017) Patient et interprète. Le domaine intermédiaire. *Revue française de psychanalyse*. Vol. 81. No 5. P. 1301–1365.
22. *Green A.* (1975) La psychanalyse, son objet, son avenir. *Revue française de psychanalyse*. Vol. 39. No 1–2. P. 103–134.
23. *Kestemberg É.* (2001) De la «phobie du fonctionnement mental». *Le fil rouge*. P. 215–221.
24. *Little M.* (1951) Counter-transference and the patient's response to it. *Classics in psychoanalytic technique*. P. 143–151.
25. *Racker H.* (1953) A contribution to the problem of counter-transference. *International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 34. P. 313–324.

Features and Difficulties in the Development of Psychoanalytic Thinking in the Analyst and the Analysand

Y. S. Malintseva

Malintseva Yana S., psychoanalytically oriented consultant.

Psychoanalysis occupies a distinctive place among the theories and practices of psychotherapeutic work. It is concerned with dimensions of psychic life that are not always accessible to other therapeutic approaches. While offering the possibility of transforming psychic functioning, the psychoanalytic method requires the development and application of a specific mode of thinking. Psychoanalytic theory is based on the premise that unconscious thoughts, feelings, and desires shape psychic functioning. Psychoanalytic thinking may therefore be understood as a mode of thought that enables the analyst to explore the unconscious and identify the underlying causes of the analysand's experience. Yet, how is such thinking developed, and why must a candidate undergo a lengthy process of personal analysis, supervision, and clinical work before being entitled to call themselves a psychoanalyst? This article seeks to address these questions by identifying obstacles to the development of psychoanalytic thinking and outlining the conditions that may facilitate this process.

Keywords: psychoanalytic thinking, countertransference, transference, anti-object, resistance, secondary gain, interpretation.